

К генезису пушкинского «Демона»

Стихотворение «Демон» (1823) — одно из центральных в лирическом творчестве Пушкина южной поры и одно из самых популярных в русской поэзии вплоть до лермонтовских времен — неоднократно останавливало на себе внимание исследователей. Нам известно сейчас, что оно тесно связано с «Кавказским пленником», «Евгением Онегиным» и довольно обширным кругом воплотившихся или не получивших окончательного оформления лирических замыслов начала 1820-х годов, где центральным был мотив скептицизма — в его психологическом и социальном варианте¹. Психологическая ипостась темы воплотилась в «Демоне», социальная — в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...»; объективирование лирического «демона» в современном герое происходит в «Онегине», где главный герой несет реликтовые черты разочарованного «искусителя». Вопрос о месте «Демона» в общей системе пушкинского творчества, таким образом, можно считать решенным; не вполне ясным остается другой вопрос — о сущности и структуре созданного Пушкиным образа. Вопрос этот не праздный; он касается стилевой принадлежности произведения; он важен и для уяснения последующей поэтической традиции. Возникает он уже в прижизненной Пушкину критике. В «Демоне» видели конкретный лирический персонаж, может быть, даже с реальным прототипом (например, А. Н. Раевским); критик «Сына отечества» (по-видимому, Н. И. Греч) писал: «Демон Пушкина не есть существо воображаемое: автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностью и лжеумудрствованием»². Другое понимание — философско-психологическое — определилось у В. Ф. Одоевского: «...поэт России так живо олицетворил те непонятные чувствования, которые

холодят нашу душу посреди восторгов самых пламенных. Глубоко проникнул он в сокровищницу сердца человеческого...»³. Сам Пушкин в позднейшей своей заметке (1825), как известно, предпочел эту последнюю интерпретацию или близкую к ней, ссылаясь при этом на «Фауста» Гете: «Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения...*» (XI, 30). Поэт имел в виду сцену III «Фауста», где Мефистофель рекомендует себя как «духа, который вечно отрицает» («Ich bin der Geist, der stets verneint»).

Пушкинская заметка о «Демоне» есть своего рода исходная точка исследования литературной генеалогии образа. Мефистофеля постоянно называют в числе его родоначальников — и с полным основанием: с начала 1820-х годов Пушкин находится в атмосфере постоянно возрастающего интереса к «Фаусту». Гётевские образы оставляют след в его творчестве; однако являются они в переосмысленном и осложненном виде. Их облекает широкий круг многообразных ассоциаций, отчасти идущих от иных литературных источников — Байрона, Клингера, Данте⁴. «Демон» в этом смысле не является исключением; олицетворение «тайных движений души», он вовсе не тождествен персонифицированному и антропоморфному Мефистофелю «Фауста». О непрямой, опосредствованной связи этих образов постоянно говорят исследователи пушкинского стихотворения⁵.

Это, несомненно, так, и мы, по-видимому, даже можем указать посредника. По нашему мнению, им является книга г-жи де Сталь «О Германии», роль которой в ознакомлении Пушкина с немецкой литературой достаточно хорошо известна⁶. В этой книге наряду с переводом отдельных фрагментов первой части «Фауста» содержалась и интерпретация ее образов, в частности образа Мефистофеля, которого г-жа де Сталь считала основным героем трагедии Гете⁷. В ее понимании это персонаж «реальный и фантастический» одновременно, носитель «адской иронии, которая распространяется на все создание в целом». От мильтоновского Сатаны, от дьявола Данте или Микельанджело Мефистофеля отличает его «цивилизованность», отсутствие животного начала и признаков космической inferнальности. Его дьявольская сила заключается в универсальном неверии по отношению ко всему доброму в мире. «Ни одно верование, ни одно мнение не остается непоколебленным» после разговора с ним. Эту характеристику г-жа де Сталь резюмирует вариацией гётевской формулы: «Мефистофель сам соглашается, что сомнение исходит из ада (*que le doute vient de l'enfer*) и что демоны — это те,

которые отрицают (*et que les démons, se sont ceux qui nient*)⁸. Все это очень близко пушкинской поэтической концепции демона и едва ли не является ее зерном. Передача слов Гете в заметке о «Фаусте» 1825 г. могла в равной степени опираться и на текст трагедии, и на текст комментария г-жи де Сталь; в письме Пушкина к Каролине Собаньской 1830 г. мы находим их редакцию, которая лексически и синтаксически является прямой парафразой именно последнего источника: «[Sûrement] vous êtes [un] le démon, c. à dire *celui qui doute et nie*, comme le dit l'Écriture» («Вы демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как сказано в Писании», — XIV, 270). Ссылка на Библию, вероятнее всего, фиктивна, хотя сделана не без некоторых оснований. В годы южной ссылки Пушкин читает Библию очень внимательно; следы работы над ней скажутся затем в «Пророке» и «Подражаниях Корану». В стихотворении «Свободы сеятель пустынный...» основой образного строя является евангельская притча. Не следует забывать и о том, что в годы южной ссылки в поле зрения Пушкина попадает и апокрифическая литература, где неоднократно упоминаются о «демонах». Сюжетные параллели к «Гавриилиаде», собранные акад. М. П. Алексеевым, показывают с полной очевидностью значение для Пушкина этого круга источников⁹; для «Демона» такая работа не проделала, что, конечно, ограничивает возможности исследования. Отождествление демонов с имморальными движениями души есть, например, в апокрифическом «Завете 12-ти патриархов»; любопытно, что в веревкинском переводе Корана, которым пользовался Пушкин, есть специальная глава «Демоны», где упоминается о демонах, не веривших в учение истинного пророка. Все эти ассоциации, конечно, могли повлиять на пушкинское поэтическое представление демона.

Вместе с тем книга г-жи де Сталь подсказывала читателю и символическую, и психологическую трактовку образа демона. «Несомненно, — писала она, — что наше воображение создает нечто, что отвечает идее злого духа, будь то в человеческом сердце или в природе: человек иногда делает зло, так сказать, незаинтересованно, без цели или даже против намерения, единственно чтобы удовлетворить некоторую внутреннюю прихоть, которая требует пищи <...> можно было бы сказать, что в христианстве дурные наклонности души персонифицированы в форме демонов»¹⁰. Это рассуждение оказалось важным для истории последующего восприятия трагедии Гете во Франции; на него в той или иной мере опирались и первые переводчики «Фауста» на французский язык — Сен-Олер и А. Стапфер (1823); удержалось оно и позднее. Мефистофель Гете противопоставлялся другим «демоническим» фигурам как олицетворение

некоторых свойств человеческой души¹¹. Для нас оно существенно как типологическая концепция демона. В ней слышатся отзвуки раннеанимистических представлений о демонах — духах состояния, о силе, мгновенно возникающей и исчезающей по своему произволению, о первобытных демонах языческой мифологии, развившихся затем в «гения» (daimōn) Сократа. В платоновской «Апологии Сократа» мы находим этот образ, ставший потом знаменитым: внутренний голос, всегда разрушающий некое намерение и никогда ни к чему не побуждающий, — силу деструктивную, в строгом смысле слова «духа сомнения или отрицания». Это — персональный дух, неразрывно связанный с тем или иным индивидуумом. Отсюда — пушкинское название «Мой демон», под которым стихотворение впервые появилось в печати¹². И отсюда же — своеобразная двойственность самого образа, остановившегося где-то на грани между объективированным лирическим героем и его атрибутивной психологической характеристикой, персонифицированным «развратителем» и обобщенно символическим изображением «непонятных чувствований» души. Эту двойственность, уловленную в гётевском Мефистофеле г-жой де Сталь, ощущали в стихотворении Пушкина его читатели и подражатели¹³. «Мой демон», со ссылкой на Платона, появляется в позднем стихотворении кн. Д. И. Долгорукова, некогда знакомого Пушкину еще по «Зеленой лампе»¹⁴; в дневниковой записи начала 1830-х гг., озаглавленной «Мой злой гений» и принадлежащей, по-видимому, П. Я. Голенищеву-Кутузову (ум. 1866), мы находим любопытнейшую ассоциацию: «злой гений» — это неясная беспричинная тоска, «душевные меланхолические припадки»; за описанием их следуют цитаты из «Кавказского пленника»¹⁵. Не зная ничего о генетической связи «демона» и «пленника», рядовой читатель улавливал в них внутреннее родство. В 1826 г. И. Е. Вилкопольский пишет стихотворение «Мой демон»¹⁶; к 1829—1831 гг. относятся две редакции стихотворения Лермонтова с тем же названием и ранние редакции его же «Демона» с устойчивыми реминисценциями из «Кавказского пленника». Но у Лермонтова Демон — антропоморфное существо; в его поэтической генеалогии — не только «Демон», но и «Ангел» (1824) Пушкина, с первой попыткой персонификации «духа отрицанья, духа сомненья». В лирике 1830-х гг. мы чаще встречаем этот образ на его необъективированной стадии. Все эти стихи в большей или меньшей мере ориентированы на пушкинский текст:

Но демон темный, дух сомненья
На нас незримо нападал,

Смушал он наши наслажденья,
Он наши радости смушал!..

(*** «Духи», 1832)¹⁷

Дух тревоги, дух сомненья,
С адским хохотом в устах
Веру в благость Провиденья
Отрицал в моих глазах.

(А. Б<ашило>в, «Я был», 1835)¹⁸

Не омрачай, зловещий дух,
Меня в тиши уединенной...
Прошу, души моей не тронь
Оледенелыми перстами

(А. Зилов, «Душевная страна», 1835)¹⁹

И кто мне нашептывал страшные звуки?
Кто ядом сомненья меня обливал?
Все он, мой губитель, безжалостный, мрачный.

(К. Бахтурин, «Демон сомненья», 1837)²⁰

Искуси меня, мой демон!
Соблазни-ко как-нибудь!

(А. Тимофеев, «Хандра», 1837)²¹

Так он вьется, в час паденья,
Над головой во тьме ночей
И вливает яд волненья
В сердце холодом речей

(Н. Некрасов, «Злой дух», 1839)²²

Мы берем лишь несколько примеров из «массовой поэзии» 1830-х гг.; на деле их больше. Постепенное «объективирование» образа демона — тот путь поэтической эволюции, который ведет к поэме Лермонтова; но даже и на этой стадии связь с пушкинским образом не теряется: ее выдают ключевые реминисценции и парафразы (ср. в «Демоне» В. Теплякова: «Льет пламень гибельной отравы» или в его же «Любви и ненависти»: «Твой ум, твою красу, как злобный демон, я / Тогда оледеню своей усмешки ядом»)²³. В 1837 г. Ф. Н. Глинка в «Воспоминании о пиитической жизни Пушкина» выведет соблазнителя, подстерегавшего поэта на пиру жизни, и вставит в его характеристику цитату из «Демона»²⁴. Наконец, уже в

середине 1840-х гг. Э. Губер, переводчик «Фауста», под прямым влиянием Гете создаст в своей драме «Антоний» образ демонического соблазителя Сильвио, но и здесь он будет не в силах освободиться от обаяния пушкинского стихотворения: формулы, эпитеты, даже рифмы, почерпнутые из «Демона», пронизывают все описания персонифицированного «злого духа» «с насмешливым, холодным взглядом», от которого «в сердце холод, в сердце яд / По капле сходит»²⁵. Но это уже поздняя история «демонической» темы в русской поэзии, отчасти затронутая в связи с генезисом знаменитой лермонтовской поэмы²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 51—71.
- 2 Сын отечества. 1825. № 3. С. 309. Ср.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 1. (1813—1824). М.; Л., 1956. С. 553—554.
- 3 Мнемозина. 1825. Ч. 4. С. 35.
- 4 См.: *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес» (Неосуществленный замысел Пушкина) // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 101—130; *Благой Д. Д.* «Фауст в аду»: (Об одном неизученном замысле Пушкина) // Д. Д. Благой. От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 286—303.
- 5 См., например: *Медведева И. Н.* Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон». С. 70—71; *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1937. С. 137; *Гордецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л. 1962. С. 259—260.
- 6 *Томашевский Б.* Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 352; *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. С. 133.
- 7 См.: *Baldensperger F.* Goethe en France. Paris, 1904.
- 8 *Staël m-me de.* De l'Allemagne. Nouv. éd. Paris. 1879. P. 285—286, 292 (ch. XXIII). Об этой реминисценции у Пушкина см.: *Благой Д. Д.* Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? // Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974. С. 110.
- 9 *Алексеев М. П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 281—325. В последнее время появилась специальная работа об «армянском предании», упомянутом Пушкиным в «Гавриилиаде»; оно существовало в действительности, имело апокрифический характер и широко распространялось начиная с XII в. См.: *Мурынов М. Ф.* Из комментариев к пушкинским произведениям. 1. Армянское предание в «Гавриилиаде» // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 73—80; некоторые дополнения к этой статье см.: *Гуллакян С.* «Говорит армянское преданье». К вопросу об источниках поэмы А. С. Пушкина «Гавриилиада» // Литературная Армения. 1974. № 6. С. 85—96.
- 10 *Staël m-me de.* De l'Allemagne. P. 308.
- 11 *Milner M.* Le diable dans la littérature française de Cazotte à Baudelaire. 1772—1861. Paris, 1960. T. 1. P. 439—444.

- ¹² Платон. Соч.: В 3 т. М., 1968. Т. 1. С. 100, 506. Этот оттенок уловлен составителями «Словаря языка Пушкина», где выделено специальное значение: демон — «мифическое существо, сопутствующее человеку, наставляющее его в его жизни и делах (из античных мифологических представлений о добрых и злых духах, влияющих на жизнь и судьбу людей)»; в качестве примера приведены строки из «Разговора книгопродавца с поэтом». «Демон» цитируется для иллюстрации значения: «злой дух, олицетворение злого начала» (Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. А—Ж. С. 622—623). Самая дифференциация эта имеет под собою реальные основания хотя, на наш взгляд, требует уточнений и поправок.
- ¹³ Ср. также характерное колебание Пушкина в приведенной выше его французской цитате: «un démon» («некий демон») и «le démon» («Демон»).
- ¹⁴ Долгоруков Д. И. Звуки. М., 1857.
- ¹⁵ Из записной книги подполковника Голенищева-Кутузова // Щукинский сб. Кн. 8. М., 1909. С. 17 (Сведения об авторе записаны рукой Б. Л. Модзалевского на экземпляре книги, хранящейся в библиотеке Пушкинского Дома).
- ¹⁶ Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский. (1797—1868). СПб., 1902. С. 22 («К грусти (или «Мой демон»). Подражание «Демону» Пушкина»).
- ¹⁷ Телескоп. 1832. Ч. 11, № 17. С. 45.
- ¹⁸ Московский наблюдатель. 1835. Ч. 5. Ноябрь, кн. 2. С. 153.
- ¹⁹ Зилов А. Стихотворения. М., 1835. С. 53.
- ²⁰ Стихотворения К. Бахтурина. СПб., 1837. Ч. 1. С. 16.
- ²¹ Опыты Т. м. ф. а. СПб., 1837. Ч. 1. С. 279.
- ²² Ср. также в «Мечтах и звуках»: «Смерти», «Сомнение». См.: *Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова*. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 209.
- ²³ Тепляков В. 1) Стихотворения. М., 1832. С. 156; 2) Стихотворения. СПб., 1836. С. 137.
- ²⁴ Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957. С. 420.
- ²⁵ Губер Э. Соч. СПб., 1859. Т. 1. С. 345 и др.
- ²⁶ Ср.: *Нольман М. Л. От «Демона» Пушкина к «Демону» Некрасова // К истории русского романтизма*. М., 1973. С. 386—418; *Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы*. Воронеж, 1973. С. 271 и след.

Впервые: Сравнительное изучение литератур: Сб. статей к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 253—259.

В. Э. ВАЦУРО

ПУШКИНСКАЯ
ПОРА

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
Санкт-Петербург
2000